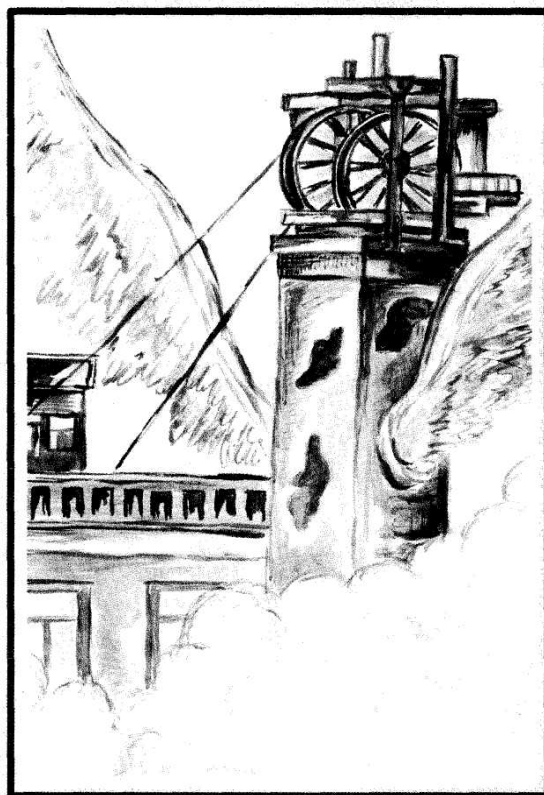

О, Русь, взмахни крылами!...
Сергей Есенин

МОСБАСС

*Литературно-краеведческий
народный журнал*

г.Сокольники Тульской области

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ: «МОСБАСС» ИЗ СОКОЛЬНИКОВ

Валерий Кручинин-Русич
(г. Сокольники)

РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ПИСАТЕЛЬ АЛЕКСЕЙ ЛОГУНОВ

В марте 2009 года православному писателю и поэту Алексею Логунову исполняется 70 лет и 55 лет его творческой деятельности. Первое стихотворение его «Среди родных полей» было опубликовано в газете «Молодой коммунар» в 1954 году. Родился Алексей Андреевич в селе Черемушки Тульской области, вблизи Куликова Поля. В одной из своих книг, которая называется «Сударыня Книга или Сказания Куликова Поля» есть такие слова: «Мои земляки — куликовцы превьше всего ставят три дела: молиться Богу, пахать землю, и защищать Родину. Так было. Так есть. Так будет. Такой уж мы русский православный народ». Не одно поколение школьников училось на книгах писателя, обций тираж которых перевалил за три миллиона. В 2000 году писатель пришел в храм «Нечаянная Радость» в Новомосковске, да так и остался там: учился сам и учил молодых прихожан писать православные стихи и рассказы. Вскоре стали выпускать альманах «Прихожанин», затем журнал «Православный Новомосковск», который возглавила ученица писателя Валентина Лысенко. Сам Алексей Андреевич взялся за выпуск еще одного православного журнала «Свято-Ильинский храм». Уже выпущено пять номеров и одно приложение — «Ильинский крест».

Сейчас писатель работает над созданием альманаха «Епифанские сказания», ведет в журнале «Мосбасс» постоянную рубрику «Святые праведники Тульского края».

Редакции журналов «Мосбасс» и «Приокские зори».

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Хотите оказаться ранним, ранним утром в русской деревне. Прошу...

*Рассвет... Я выхожу во двор.
Растаял месяц за деревней.
Желтеет струганный забор
Сквозь кудри ивы частым гребнем.
На кольях сохнет чугунок,
Да рядом две стеклянных банки.
А пруд, как голубой платок,
В траву упавший с плеч крестьянки.
А на краю того платка*

*Стоит церквушка, как игрушка...
И нет милее уголка,
Чем ты, родная деревушка!*

Чувствуете? Как от деревенского пруда тянет сыростью? Как изнемогают под тяжестью обильной росы — травы. Видите? Как утренний туман, цепляясь за крышу дома, за колодезный журавль, за кустарник, спешно втягивается в камыш, стебли которого вдруг напряглись и замерли. Замерли и притаились птахи, всю ночь доказывавшие друг другу, что их любовная песнь звонче, соблазнительнее. Умолкли лягушки, притихли кузнечики. В ульях, резко, как по команде, оборвался пчелиный гуд. Все живое замерло и ждет восхода солнца.

Когда-то, писатели-фантасты придумали машину времени. С помощью громоздких и сложных конструкций герои их произведений перемещались во времени и пространстве. В мгновении ока они попадали и в будущее, и в прошлое. Позднее, великие Умы, обосновали эту идею с научной точки зрения и вывели математические формулы, доказывающие, что все это возможно на самом деле и машина времени не противоречит физическим законам мироздания. И хотя, дальше фантастических романов и километровых формул дело у них не пошло — машина времени была создана.

Создателем этого чуда стал не ученый физик, не фантаст, а тот, кто первым написал стихотворение. То есть — поэт. История не донесла до нас ни имени его, ни его творения. Да это и не столь важно. Главное, он показал, как пронизать время и пространство. Сначала эти временные машины были тяжелы и неуклюжи (вспомните гомеровский гекзаметр или силлабо-тоническое стихосложение Тредиаковского), но менялся ритм, оттачивались размер, рифма и поэтические конструкции обрели совершенные формы. Их движитель — образ. Чем ярче он и богаче, тем стремительней оказываетесь Вы в любой точке мироздания, испытывая при этом не объяснимое человеческим языком блаженство. Почувствуйте его: **«А пруд, как голубой платок, в траву упавший с плеч крестьянки...»**. **«Девчонка длинноногая, как цапля...»**.

Что!? Солнце в зените. Становится жарко. Вам вдруг захотелось очутиться в благодатной ночной прохладе. Нет проблем:

*Тиха, спокойна в сумерки деревня.
Чуть опустив бревенчатые плечи,
Стоят усталые от зноя избы.
Да белый храм виденьем на холме.
Девчонка длинноногая как цапля,
Корову гонит. Та идет неспешно
И вдавликает в землю сор и щепки.
Куда-то грузовик с зерном ползет.
А над дорогой — месяца осколок,
Как треснувшая фара, от которой
Давно уж потерялось полстекла...*

С первой же строфы этого изумительного белого стиха, Вас обволакивает ночная прохлада. Звездное небо томит и будоражит Вашу душу. Окружающий мир становится ближе, понятнее. Некогда мучившие Вас неразрешимые вопросы — решаются. Необъяснимые поступки получают свое логическое объяснение и, наверное, именно в эти минуты, рождаются пророческие строки красоты необыкновенной:

*Россия, Россия-
Дом Матери Божьей...
Сиренево-сине
Цветет подорожник.*

*Россия, Россия
Большая дорога.
О, как все красиво
У Господа Бога!!!*

*И ангелы в небе,
И в воздухе птахи,
И в зреющем хлебе
Ребячьи рубахи.*

*И храм на пригорке,
И крест на кладбище...
Россия, Россия,
Чего же ты ищешь?*

*Вот так и шагал бы
До смертного часа,
Да песни слагал бы
Про Светлого Спаса!*

В этом маленьком, простом, но изумительном по глубине и силе образа стихотворении присутствует все; и жизнь и смерть, и национальная идея и смысл нашего бытия. «О, как все красиво у Господа Бога!». И сам человек. И голосистые птахи, своими нескончаемыми песнями славящие торжество жизни. Тучные колосья зреющего хлеба. Ребятишки, собирающие васильки под мирным небом. А над ними ангелы-хранители, берегущие их от вселенского зла. Как же он красив, наш мир. Богородица Дева своим домом избрала Россию, мы растим хлеб, наши дети под мирным небом собирают букеты полевых цветов — это ли не национальная идея?! «Да песни слагал бы про Светлого Спаса!» — это ли не смысл нашей жизни!? (Ведь еще Серафим Саровский сказал, что смысл нашего бытия в стяжании Святого Духа...) «Россия, Россия, чего же ты ищешь?!» Господи! Как же все просто.

Все эти стихотворения написаны нашим земляком, писателем и поэтом Алексеем Андреевичем Логуновым, который скромно живет рядом с нами, ходит по тем же улицам что и мы, читает святое Евангелие и пишет православные стихи и рассказы.

*В мае ночь короче носа птичьего...
Милый мой, как сокол, ясный был.
В знак любви по старому обычаю
У плетня рябинку посадил.
Ой, ты, ночка, ночка соловьиная!
Стал постелью брачной сеновал.
Называл меня мил-друг любимую,
А с подругой свадьбу сыграл.
Пресвятая Мати Богородица!
Помолись за грешную меня...
Сколько я потом встречала соколов,
Знает лишь рябинка у плетня.
На рябине шесть засохло веточек,
А седьмая ветка ожила.
За шесть лет я шесть сгубила деточек,
А седьмая девочка жива.
У нее, как плеть, ручонка левая,
А на правой пальчики не все...
Что ж я, окаянная, наделала!*

*Загубила жизнь во всей красе.
На себя, волчицу окаянную,
Я хотела руки наложить.
Но во сне явилась Матерь Божия
И велела ради дочки жить.
Доченька растет такая славная,
Точно как рябинка у плетня.
Ой, вы, люди, люди православные,
Помолитесь Богу за меня.
Шесть во чреве деточек загублено
И никто им имечко не дал.
Ты взыщи их души, Матерь Божия!..
Я сожгла проклятый сеновал!
Я сожгла пути-дороги в прошлое.
И теперь вот еду в детский дом,
Чтобы мамой стать детишкам брошенным,
Окружить их лаской и теплом.
Пред иконой Матушки Заступницы
Редкая проходит ночь без слез.
Каюсь и молюсь, и снова плачу я:
Может быть, простит меня Христос...*

Какая пронзительность! Какая правда жизни! Так понять, прочувствовать горе заблудшей женщины, может только особый поэтический дар. **Православный**. «Пред иконой Матушки Заступницы редкая проходит ночь без слез». Когда-то, литературный мир восторгался французским писателем-реалистом Бальзаком, который красочно описал испытываемые женщиной чувства при родах. Но там описаны физические страдания. Здесь тоже страдание. Но другое. Здесь пострашней. Здесь страдает душа. Раскаившись, она вопиет о прощении. Стихотворение прямо-таки сочится православием. Сочится смирением и страстным желанием послужить Царствию Божию «...пустите детей приходите ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковым есть Царство Божие». (Евангелие от Марка гл. 10 ст. 14.) ...И взяв дитя, поставил его среди них, и, обняв его, сказал им: «Кто примет одного из таких детей во имя Мое, тот принимает Меня: а кто Меня примет, тот не Меня принимает, а Пославшего Меня». (Евангелие от Марка. гл. 9. ст. 36. 37.)

Православный поэтический дар Алексея Логунова вездесущ и всепроникаем. Для него не существует ни расстояний, ни измерений, ни прошлого, ни будущего. Пронизав Пространство и Время он, с того берега холодной реки, которая разделяет видимый и невидимые миры, словно ангел-хранитель предостерегает нас:

*Я помер неделю назад,
И в землю закопано тело...
И глазом моргнуть не успел,
Как жизнь на Земле пролетела!
Я женщин разгульных любил,
Грехи совершал и поплотие,
Стаканами водочку пил,
А чаще работал, как лошадь.
И слышу я внуков слова:
«Помянем дедулю по-русски!
И к сороковинам его
Закупим вина и закуски»*

*Не нужен мне жареный кус,
Вином его не поливайте,
А нужен мне сорокоуст,
Вы в храме меня поминайте.
Зачем на могиле венки,
Зачем из железа ограда?
Мне это совсем, мужики,
Не надо, не надо, не надо...
Не надо мне каменных плит.
Поставьте мне крест деревянный.
Я голеньким в мир приходил
И голым ушел, окаянный.
Свершается, что суждено:
Здесь видно и слышно так много!
Но грешнику, мне не дано
Узреть милосердного Бога.
И дам Вам последний совет,
Закончив печальную повесть:
Живите, как скажет Господь!
Глас Божий для всех — это совесть.*

Не говори — совести у него нет! Совесть есть у всех! У короля и нищего, святого и грешника, вора и добропорядочного гражданина, т.к. как сотворены мы все по образу Его и подобию... Образ и подобие Его это и есть наша совесть. Только у одного она, как нерв обнаженный, а у другого плоть отмершая. Ну, ограбил ты народ православный, накопил себе яхт, замков зарубежных, понастроил загородных дворцов. А жену любящую найти — не можешь. А если и найдешь, то не надолго. Потому что, любят не тебя, а твое богатство. Несчастны дети твои, которых делите вы, и прячете друг от друга, как разбойники золотые монеты. «Не собирайте себе сокровищ на Земле, где моль и ржа истребляет, и где воры подкапывают и крадут». (Евангелие от Матфея. гл. 6. ст.19) «Но собирайте себе сокровище на Небе, где ни ржа, ни моль, не истребляет, и где воры не подкапывают и не крадут» (Евангелие от Матфея. гл. 6. ст. 20). «Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Говорит нам святое Евангелие.

«Ты голеньким в мир приходил и голым уйдешь, окаянный!» — напоминает нам Алексей Андреевич Логунов.

Валерий Кручинин-Русич
(г. Сокольники)

МОСБАССА БЛУДНЫЙ СЫН*

КОЛОБОК (злостный курильщик)

Друг у меня был. По прозвищу Колобок. Шустер, до не могу. Небольшого роста, нос картошкой, весь налитой какой-то, настоящий колобок. Кликуху эту он сам себе дал. Первое его письмо из армии заканчивалось так: «Твой сон спокоен и глубок, на страже верный Колобок».

Служил он в ракетных войсках стратегического назначения. Вся страна спала крепко и спокойно. Попробовал бы кто тогда на Россию вякнуть,— Колобок бы в момент разобрался.

Пришел он к нам на шахту в 197... году, с 33 статьей КЗОТа. Директор его не взял, хотя рабочие были очень нужны. Но Колобок тоже, догадался, с глубочайшего бодуна и к непьющему директору на прием. Я в то время бригадиром в лаве был. Добычу не давали. Три раза пльвун прорывался. Но друга не бросишь. Пошел я по начальству. Под мою личную ответственность приняли его горнорабочим 2 разряда. Через месяц Колобок уже раскатывал по всей шахте на электровозе. И не просто раскатывал, а знал весь профиль путей, все штреки, сбойки. Для лавы он стал незаменим. Но бухал, зараза. А как-то вообще пропал на две недели. Кадровик меня встретил и говорит:

— Скажи Колобку, чтоб трудовую забрал. По 33 уволили.

— Понятно.

Куда еще ясней. Да вот Колобка не найду.

Появился он на утреннем наряде. Отозвал меня в сторону.

— Ну, чего делать-то?

— Пошел вон! Урод корявый! — я взаправду был в бешенстве.

Тут лава заработала. Забой стоит, как стекло. Порожняка — море. По три ленты ездили в легкую. А народу всего пять человек в смене. И этот козел пропал.

— Бугор, ты не поверишь, в такую фигню вляпался! Нажрались с соседом и стали целоваться. Я ему нос возьми и откуси. Пока «скорую» вызывали, менты приехали. Ну, думаю, полетел. Через неделю выпустили. Я к соседу в больницу. Ему уже операцию сделали, нос пришили.

— Ну, и выходил бы на работу! Какого...

— Да нет. Слушай дальше. Через две недели бинты сняли, а нос-то кверху ноздрями пришит.

— Ну, и что? — я определенно не врубался.

— Что-что. Ты знаешь, что он придумал?

— Кто?

— Сосед.

— Ну.

— Он сейчас махорки в ноздри набьет и курит, курит. Весь подъезд провонял.

В общем, ходили мы всей бригадой к директору шахты. Еле уговорили. И снова Колобок стал лихо снабжать лаву эмульсией, горбылем, лесом. Словом, всем тем, без чего уголька не добудешь.

* Продолжение; начало в «ПЗ» № 2, 2008.

ЛАНДЫШИ

Недавно у Колобка умерла мать. Старенькая. Седенькая. Совсем-совсем слепая. Добрейшей души бабулька была. Царство ей небесное!

Колобок по-прежнему жил один. Были ли у него женщины? Честное слово, не знаю. Как-то невозможно было представить его рядом с женой, любовницей.

Одевался он добротнo, но был како-то неухоженный. Жена моя его жалела. Всегда говорила ему: «Ну принеси хоть свои рубашки. Я постираю». Но разве он принесет? Я, внаглую, забирал у него несвежее белье, и моя Галина Ивановна устраивала общую постирушку.

Как-то в мае нам выпал длиннючий выходной. Три дня, а на четвертый в ночь. Утро. Сажу на балконе. Пью чай. Вдруг, из-за угла Колобок на мотоцикле вылетает.

— Здорово!

— Привет!

— Поехали.

— Куда?

— За ландышами, в Иваньковский лес. Может, и фиалки подошли.

— Ты чего, сдурел, какие фиалки? Май месяц. Влюбился что ли?

— Влюбился, влюбился. Ну, поедешь?

Тут меня осенило: это же он моей хочет цветы подарить. Мать честная! А я ведь со свадьбы ничего не дарил.

— А если ГАИ?

— Да ладно! Я дорогу короткую знаю.

Через пять минут мы с ним с оглушительным ревом неслись по проселочной дороге. Я знал, что прав у него не было, да и мотоцикл чужой, но страха я не испытывал. С ним рядом никогда не было страшно. Никаких ландышей (а тем более, фиалок) мы в лесу не нашли. Только вывозились, как черти. Но все равно настроение было отличное. Выехав из леса, мы встретили бабку с огромным мешком и такой же сумкой. Колобок сразу:

— Давай подвезем!

— Да куда ж мы ее посадим? Была б хоть люлька.

— Ладно. Между нами сядет. Подвинешься, не барин.

Спорить с ним было бесполезно. Одна надежда, бабка откажется. Но она согласилась. И вот, представьте себе такую картину: Колобок за рулем, на бензобаке сидит, за ним бабка, за бабкой я; в одной руке крупнейший мешок с какими-то тряпками, в другой — сумка с громыхающими кастрюлями и чашками. «Мне в Александровку, тут недалече. Поехали» — говорит бабка.

В деревню мы влетели с оглушительным ревом и на огромной скорости. От крайнего дома поросенок, пудов на пять (испугался он, что ли или, в натуре, шальной был, собака) прямо нам в переднее колесо. Во мне с десятого класса под сто килограмм веса было. Я в навозную кучу вместе с бабкой по пояс въехал. Под мотоциклом поросенок с перебитым хребтом лежит с последним хрю-хрю. Где-то подо мной бабка причитает. От сарая на нас хозяин с вилами летит.

А Колобку что? Он прокатился метров 20 и остановился.

Короче, поросенка этого нам пришлось купить втридорога. Бабка куда-то исчезла.

Явились мы под вечер. Без ландышей, но с мясом.

ДОМ ОТДЫХА

Работал Колобок по-настоящему, честно. С материалом для лавы проблем не было. Когда был свободен, помогал нам. «Кумполов» он не боялся. «Кумпол» (яма

вверху) это отверстие, образовавшееся в кровле после обвала. Как заглянешь туда — мама родная! Вот-вот все рухнет. Но Колобок в работе был скор, ловок и точен. Даже при легкой кровле (это когда вверху песок) мы с ним в считанные минуты заделывали любое нарушение пласта.

Так и доработал мой друг до своего первого отпуска.

Женат он не был. Холостяковал. В шахтном комитете попросили для него путевку. Профсоюз выдал две, бесплатные. В Велегож. На древнеславянском «веле» — очень гожий, хороший. Да, места там великолепные. Проводили его всей бригадой. Первый тост был такой:

— Колобок, Колобок, прикатись назад с Колобчихой.

А дней через десять телеграмма пришла: «Умираю, но не сдаюсь тчк Вышли 100 рублей тчк Ваш Колобок тчк» Жена моя говорит: «Забирайте вы его оттуда. А то он еще кому-нибудь нос откусит». С нами в смене работал молодой парень. У его отца была старая «Победа». Тут как раз выходные подходили. И мы поехали. Приехали вечером. Пока разыскали, совсем стемнело. Жил он на четвертом этаже, в 430 номере. Как только мы вошли, стало все понятно. Окурки на полу, пустые бутылки, банки консервные. Да, Колобчихой здесь и не пахло. И жил он, кажется, один. Вторая кровать была чисто застелена и не помята. Конечно, кто с таким клоуном жить будет?

— Ну, что Колобок! Домой, к маме?

— Понимаете, мужики, я бы и сам добрался, да должен тут одному 100 рублей.

Было уже поздно. Мы очень устали, так что без лишних разговоров стали укладываться спать. Минут через десять Колобок со своего лежбища:

— Славяне, может выпьем?

— Ты чего, скотина! Совсем обнаглел...

— Да нет, нет, нахалюву.

Он вскочил. Быстро достал из-под кровати швабру, привязал к ней веник. Потом залез на подоконник, открыл фрамугу и стал размахивать шваброй-метлой перед окном соседнего номера.

— Это я редко делаю, когда совсем труба,— проговорил он.

— Все. Крыша поехала,— подумал я.

Помахав минуты три, он быстро спрятал свое орудие под кровать и юркнул под одеяло. «Бляха-муха, врача ведь надо!» У меня аж под ложечкой засосало. Но тут раздался стук в дверь, и испуганный мужской голос быстро проговорил: «Сосед, сосед, можно я у тебя посижу? У меня и выпить есть».

Ну, Колобок! Даешь стране угля, мелкого, но много.

РАСЧЛЕНЕНКА

В тот год зима явно припоздала. Почти до декабря стояла сырая стылая погода. То дождь, то снег. С ночи пришел — промок до нитки. Лег спать. Проснулся — минус 15 градусов. На окнах изморозь в палец. Первая мысль была такая: «Хана моим яблоням и грушам». Да Бог с ними, с яблонями. Дети всю зиму и весну болели, жена с больничного не выходила. Как-то пришла из поликлиники с пацаном, расстроенная, говорит:

— Как хочешь, но летом поедem в Анапу.

— Кто же мне отпуск даст?

— Тебе что, дети не родные?

— Ты ведь сама настояла отпуск в сентябре, под картошку взять.

Она ушла в спальню и заплакала.

Начальник участка был мужик хороший. С ночи дождался его. Объяснил положение.

— Так графики уже утверждены, может, поменяешься с кем?

— Ну да. С сентября на июль, ищи дураков.

— Ладно, тогда поближе к лету напишешь заявление, может, проскочит.

Проскочило в самый последний момент. Но у моих билеты были уже на руках, и я, как ни старался, но на их поезд билет не достал. Да и вообще на поезда в южном направлении билеты были распроданы на месяц вперед. «Ладно, Галчонок, что-нибудь придумаю. В конце концов, проводнице переплачу. В тамбуре, но приеду».

Собирал я своих неделю. Жена у меня запасливая. Чего только не набрала: и одежду, и стиральный порошок, и еды на месяц. Короче, чемодан и две спортивные сумки. Да и мне еще рюкзак с сумкой, набитые доверху, оставила. Договорился с соседом, чтобы он отвез нас на машине к поезду. Грузимся. И вот он, Колобок: «У-у-у! Давай помогу». Чего отказываться? Мужик он ловкий. К поезду приехали во время. Усадил я своих в плацкарту, расцеловал, и поехали мои родные. Ту-ту. Настроение какое-то мутное было. Там, в вагоне чуть не всплакнул. Тут Колобок еще: «Давай пивка глыкнем!»

В себя пришли мы вечером, у Колобка дома. Трубы горят. Но самое главное ни капелюшечки выпить, зато бутылок пустых пол мешка набрали. «Ща, одной самогонщице пустые бутылки отдам, по сто грамм нальет, куда денется»,— раз пять повторил Колобок.

Вечерело. «Показывай дорогу»,— закинул я мешок с «хрусталем» на горб и поволок. «Пойдем через парк, тут ближе»,— бубнил сзади он. Вошли мы в парк. Прошли вглубь метров тридцать. Вдруг, из-за кустов: «Ребят, а ребят!» Колобок аж на три метра в сторону отпрыгнул: «Ктой-то там»? В кустах, на маленькой скамеечке сидела женщина лет тридцати. Странная какая-то. Странная потому, что была она как-то мала, непропорционально. «Сходите за бутылочкой!»,— и протянула 10 рублей. Пока я соображал, Колобок исчез. Присмотрелся я и понял — она ж без ног. Ну, покалякали мы с ней минут пять. Вот он и Колобок катится. Даме мы, конечно, первой налили. Сами выпили. И тут она вдруг, брык, со скамеечки. Что делать?

— Ладно, Колобок, я пошел.

— Ты че, мужик, а она?

— Чего она?

— Что, здесь оставим?

— Отнеси к себе домой.

— К тебе ближе.

— Ты че, сдурел?!

— Ну давай, хоть, в подъезд занесем. Тут уродов немеряно. Начнут изгаляться.

Надо было знать Колобка. Он не лукавил. Доброты был необыкновенной. Он был настоящий.

Вытряхнули мы «хрусталь». Засунули в мешок нашу подругу. Колобок две дырки в нем провертел, чтоб не задохнулась. Я впереди, с мешком на плече, он сзади, скамеечку несет. И осталось-то дойти до ближайшего дома каких-то метров десять, как из подъезда выходят четыре милиционера.

— Чего несете? Показывайте!

Тык. Мык. Дык. Старший сержант, молодой здоровый парень сорвал с моих плеч поклажу.

— Полегче, дятел! — влез Колобок.

— Ребята! Расчлененка!!! — дурниной заорал сержант.

В милиции нас развели по разным комнатам. И сразу стали выбивать показания. Потом сводили, разводили. Я все, как во сне помню. Зато четко помню, как Колобка молотили скамеечкой, молотили до тех пор, пока наша расчлененка в себя не пришла. Не. Мы на ментов не обижаемся. Тем более, когда все выяснилось, они нам бутылку шампанского поставили. Вместе и выпили. Отпустили только на следующее утро.

Я еле дождался телеграммы с адресом от своих. Как только получил, через три часа уже летел в самолете. Милые мои, родные, как я по вас соскучился!

ОЙ, МАМА РОДНАЯ!

На склад сапоги резиновые привезли. Всех размеров. А я ведь не стандартный. Нога 46 размера и подъем высокий. Не всегда подходящие подберешь. Своим говорю:

— Славяне, я на склад.

— И мы с тобой.

— На поезд ведь опоздаете.

— Пешком дойдем. Авось от ствола недалеко.

Раньше ведь как, выписал 5 кг гвоздей, берешь 20. На смену одна таль положена, берем три. И все сходило. А кладовщице что, горняк ей талон с красной полосой принесет, все спишется. Из шахты возврата нет. А в хозяйстве все сгодится.

Затарились мы основательно. Кто чего домой прихватил, на «горах» спрятали и в клеть. На поезд конечно опоздали. Пошли пешком на откатке. Тут светлей и суше. Мимо прогромыхал состав порожняка. Колобок ловко прыгнул на буфер последнего вагона. Перевернул каску лампой на затылок. Мудр! Шли быстро и обсуждали предстоящие выходные. Погода на «горах» стояла превосходная. Перед самой лавой решили перекурить. Заходим в проходную сбойку, а там Колобок с бурильщиками уже лясы точит. Мы расселись на сваленные горбыли и вернулись к разговору о выходных.

— Может, на Осетр махнем? — предложил я, — Колобок, поедешь?

— Не, я с этой полочки памятник матери закажу. Слушай, мужики, у кого на даче цветы красивые есть, хочу на могилке посадить.

— Памятник, цветы... Я б своей на...л на могилу, — вдруг, с какой-то утробной злобой пробурчал один из бурильщиков.

Все онемели.

— Ты че, мать ведь, — растерянно проговорил Колобок.

— Мать, мать... Собакам ее отдать, — продолжал неистововать бурильщик.

— Ну, ты силен.

— Чего силен? Она по десять хахалей в месяц меняла. Я по ночам к соседям убегал. Хорошо потом меня тетка забрала. А то...

— Чего, а то?

— Да ничего. Я уже и не помню, была ли вообще у меня мать, — бурильщик вскочил, схватил трехметровый бур, но споткнувшись о рельсу, зацепился своей железкой о траллею. Шара-а-ах! — сноп оранжевых искр осветил сбойку.

— Ой, мама родная! — дурниной заорал он.

— Во, сразу вспомнил, — с какой-то глубокой грустью, проговорил Колобок.

ПУТИНА

В шахте всегда мрачно. Уголь черный, порода серая, вода грязная. Правда, из кровли, по фильтрам течет родниковая. Но фильтр фильтру рознь. Парнишка один напился и «крякнул». Врач потом на общем наряде говорил, что крысиным ядом отравился, водопой у них там был, что ли. Я крыс имею в виду. Вообще, крыса занятный зверь. Мы, когда помоложе были, развлекались: брали кусок алюминиевой проволоки, загибали оба конца крючком; на один конец вешали кусок сала или колбасы, а второй цепляли за траллею так, чтобы до рельсов оставалось сантиметров двадцать.

Притихнем и смотрим. Вот она, зараза, прыг на рельсу. На задние лапки становится и за колбасу. Как шарахнет! Визгу, писку. Но, если живой останется, ни один сородич ее больше не подойдет. Разговаривают они меж собой, что ли.

На стихи меня потянуло. А мне уже 25. В далекой юности я, конечно, баловался (кто ж тогда не баловался). Как-то сидим в лаве на запасном штреке (напряжение на нашем крыле выбило). Колобок подкалывает: «Бугор, Муза не прилетала»? Мне, конечно, приятно, что он завел разговор о стихах.

— Ага, в форточку.

— Ну-ка!

И я, вроде, нехотя:

«Скоро, скоро День Шахтера, мой любимый праздник. Ух! Напыюсь уже тогда, Как большой начальник».

Бригада ревет от восторга. Я доволен, как слон. Смех — смехом, а воротник-то вверх мехом.

Работали в первую смену. Порожняка, как всегда, не хватало. И на этот раз он кончился в середине рабочего дня. Выключили все механизмы. Тишина гробовая. Только в шахте можно так тишину слушать. Чу, на штреке буфера вагонеток стучат, — Колобок эмульсию привез. «Пойду, думаю, помогу ему перекачать». Пока долез, он уже сам справился. Пол-вагона всего привез. Смотрю на него — какой-то он не такой.

— Что случилось-то? — спрашиваю его.

— Ты знаешь, что мне мать всегда говорила?

— Чего?

— Что уголь — любимый камень дьявола.

— Уголь — наш хлеб.

— Ага, то-то мы хлещем водяру ведрами и им закусываем. Слышь, бугор, давай с тобой куда-нибудь вербанемся.

— Как это?

— Я в газете читал, в районе контора открылась, вербуют на юг и на север. Но мы поедem на Дальний Восток. За путиной.

— А что это такое?

— Не знаю, наверное, рыба такая.

— Простипома.

— Нет, путина. Конечно, лучше бы на китобой. Представляешь... — Но тут заработал конвейер, и я побежал к комбайну.

Подали порожняк. Пока ехал на скребках, наш с Колобком разговор не выходил у меня из головы. Да мало ли чего ему на ум придет? Он середины не приемлет — или на море или под землю. Колобок, он и в Африке Колобок. И я забыл о нашем с ним разговоре. Но ненадолго.

Четвертак мне стукнул. Отмечали бригадой в парке. Тогда в моду входили шашлыки. Ну и дома, с родными, само собой. Колобок подарил мне томик Есенина. И у меня напрочь съехала крыша. Рыба путина стала сниться мне по ночам. Жена испугалась. Испугалась по-настоящему. Вызвала своего старшего брата. Я его очень уважал. Потом мою сестру. Она, хоть, и младше меня, но влияла на меня здорово. Уговоры их не действовали. Я со слезами на глазах доказывал им, что в шахте мне работать неохота. Мне сушит мозг эта работа, «хочу скандалить, хочу мириться и вновь в кого-нибудь влюбиться». Жена на меня посмотрела, покрутила пальцем у моего виска и сказала: «Езжай». Я еле утра дождался. На шахте, в нарядной, увидел Колобка, и к нему.

— Едем!

— Погнали.

ВЛАДИК

Устроились мы с Колобком в строительное управление № 4. Почему не на рыбацкое судно? Колобок слышать не хотел ни о каких плавбазах. Он внаглую забрал у провожающего нас наши трудовые книжки и паспорта. Три дня, ночуя на вокзале, мы обивали пороги рыболовецкого порта Владивостока. Но, так как у нас не было ни прописки, ни паспорта моряка, ни судовой специальности, нам везде отказывали. А когда Колобок начинал нести чушь о китобое, откровенно смеялись в лицо. У железнодорожного вокзала мы увидели доску объявлений с длинным списком предлагающихся специальностей. Требовались рабочие на местные стройки.

— Ладно, пойдем в строители,— сдался Колобок,— да заодно акклиматизируемся, а то я день с ночью перепутал.

В конторе посмотрели наши трудовые книжки. Потом посмотрели на нас и аттестовали. Я стал бетонщиком второго разряда, а мой друг транспортным рабочим. Оно и понятно, во мне росту под два метра, а он метр с кепкой.

Комнату дали в общежитии. В ней уже жили два парня. Тоже, как и мы, вербованные, но уже давно. По замашкам показались нам мужиками «тертыми». Денег у нас не было. Но Колобок тут же, в общежитии, продал кому-то свою электробритву. Познакомились с соседями. Ребята, вроде, ничего. Они стали готовить ужин, а нас послали в магазин, как-никак новоселье. Мы вышли из общежития. Дорога, начинная от его парадного входа, резко уходила вниз. Владивосток на сопках стоит. Это холмы, по-нашему. Нашли магазин. Но ни водки, ни вина, даже пива там не было. Спросили у продавщиц, а они говорят, что ничего вы, ребята, здесь не купите. Надо идти в ресторан. Во Владике кабаков море. На любой вкус и цвет. Оно и понятно — торговый город. Тут же, рядом с универсамом, находился один из них. Ресторан «Утес» при гостинице «Волна». У входа стоял милиционер и во внутрь нас не пропустил. Почему? Он тут же популярно объяснил. Какие-то «черти» (моряки) сняли кабак на четыре часа. Впускают только женщин. Бывает же такое?!!

Потоптались мы у входа, потоптались и пошли искать другой ресторан, благо, он рядом находился.

— Эй, богодулы! Тормознись! — окликнул нас приятный девичий голос.

Мы обернулись. Девчонка, да такая красивая! Колобок аж рот открыл.

— Чего, оттянуться решили?— как-то запросто спросила она.

— Да нет. Водки хотели купить А там...

— Знаю, знаю. Давай деньги, схожу.

— Щас! Шнурки поглажу,— съязвил Колобок.

— Держи, карандаш! — она бросила ему в руки свою сумочку.

Сумка была изумительной красоты и формы, в виде морской раковины. Мой друг, как загипнотизированный, отдал ей последние 25 рублей. Да, девчонка была класс, да и сумочка тоже. Мы смотрели ей вслед, думая каждый о своем, одинаково. Не было ее полчаса. Колобок стал волноваться.

— Слушай, может у нее билет студенческий в сумке или еще что... Давай, посмотрим!

— И полезешь?

— Чего жрать будем? — и он открыл сумочку.

В ней лежало зеркальце, губнушка, еще какая-то мелочь и целая кипа презервативов, импортных.

— Жвачка,— определил Колобок.

— Закрывай! Идет,— щелкнул изящный замочек.

Она принесла две бутылки водки, бутылку сухого вина и целую стопку разных бутербродов.

— Может, пойдём сухенького выпьем,— как-то извиняющей предложила она. Отказать мы не посмели. Зашли за угол. Метрах в двадцати от здания ресторана площадка резко обрывалась. Мы подошли к самому краю. Внизу виднелись крыши пятиэтажек. А ещё дальше раскинулась ночная панорама залива «Золотой рог». Мне доводилось видеть нечто подобное — служил в этих местах. А Колобок остолбенел. «У-о-охх!» — выдохнул он.

За спиной я услышал шаги. К нам подходили человек семь парней.

— Ну, чего там у тебя?— спросил один из них нашу знакомую.

— Вербота голимая,— ответила она и протянула ему две бутылки водки. Мы оказались в трудном положении. Позади обрыв, спереди толпа, явно враждебно настроенных к нам парней.

— Ша! Киндер! — заорал Колобок и выхватил у девчонки бутылки. И тут же разбил их друг о дружку. Не сговариваясь, мы бросились прямо на них. От неожиданности парни шарахнулись в стороны,

— Пидорасы! Псы! Попишу! — орал Колобок, размахивая острыми горлышками разбитых бутылок. Кто-то из ребят нервно хихикнул.

— Точно, пидорасы,— Колобок удивленно посмотрел на меня. Шпана явно давала слабину, и я кожей чувствовал, товарищ заводится.

— Фуфлю поганое! В асфальт закатаем! — продолжал накручивать он себя.

Чего мне не хотелось, так это лезть в драку с местной шпаной.

— Ладно, Вить, хрен с ними. Пошли, пошли,— я обнял его за плечи и увлек за собой.

Всю дорогу до общежития Колобок ругался по фене. В чем, в чем, а в ней мы разбирались, так как жили в шахтерском поселке. Где две трети его населения прошли через зоны. Он и назывался поначалу «101 километр».

Когда мы вошли в общежитие, я увидел у Колобка в руках горлышки от бутылок.

— Да брось ты это стекло! Чего ты его в комнату тащишь.

— Перед мужиками невдобняк. Они ведь еще с пробками,— смущенно проговорил он.

После шахты работа на стройке показалась нам раем небесным. Солнце, птички поют, трава зеленая, девчонок симпатичных не меряно. Чего не работать. И мы работали.

Как-то вечером к нам в комнату зашла воспитатель общежития Люба.

— Ну как, новички, вам у нас?

— Голодно,— пробурчал Колобок.

Она замешкалась. Но не надолго.

— А вы ходите по нашим знаменательным местам.

— Это куда?— заинтересованно спросил мой друг.

— В землянку Лазо.

— Да что я, шахты не видел?— разочарованно хмыкнул Колобок и потерял к ней всякий интерес.

Любе было лет тридцать. С круглыми глазами, рыжая толстушка. Толстая, но не рыхлая. «Наверное, холостячка или муж алкаш,— подумал я,— глаза какие-то просящие». Она неловко потопталась и обиженно сказала: «Зайдите ко мне. Я хоть ковер вам дам» И ушла.

— Колобок, сходи! А то у тебя вся стена в раздавленных клопах.

— Тебя приглашали.

— С чего ты взял?

— Чую.

В субботу мы поехали на электричке за город. На берегу Амурского залива огромные красные валуны. И сосны, как будто сделанные из меди, спускаются прямо к океану.

— Гля!!! — заорал Колобок

— Ты чего? — я посмотрел по направлению, куда он указывал. В десяти метрах от нас на валуне сидела наша недавняя знакомая. Рядом было расстелено одеяло, на котором лежали бутылки, закуска и сидели два парня, из тех. Я и сообразить не успел, как Колобок, будто из пращи выпущенный, метнулся к ним. Он шпане подняться не дал, и, как футбольные мячи, погнал их в залив. Уже в воде они вскочили на ноги и бросились в разные стороны. Колобок подошел к обомлевшей от испуга девочке: «Ну, че, кошелка! Глаз на зад натянуть?» Она вскочила с валуна, задрал и без того короткую юбку, и, сверкая красными трусиками, побежала в сторону железно-дорожной платформы.

— Лови сеанс, Чича! — захохотал Колобок.

Взяв в руки одну из лежащих на одеяле бутылок, он прочитал: «Абу Цембел. Бальзам». Посмотрел на меня:

— Ну че, забубучим?

В общежитие мы вернулись поздно вечером. Сразу легли спать.

Утром встали, почистили зубы. Есть было нечего. И мы снова завалились.

Вечером, один из соседей дал нам кастрюлю нечищенной картошки. Колобок повеселел и замурлыкал: «Тула веками оружие ковала, стала похожа сама на ружье. Слышится звон боевого металла... Чича, дай нож, я почищу ее». Чтобы время бежало быстрее, я решил почитать и открыл томик своего Есенина наугад: «Помните, вы все, конечно, помните...» Но тут распахнулась дверь и вошел второй сосед. «Слышь, туляки, там, через умывальник, человек двадцать пять местных залезли. Ищут по этажам маленького и здорового. Не вас ли?»

«Тертые» мужики как-то заегазились и незаметно исчезли. Я лежал и читал, колобок чистил Картошку. Минуты три мы соображали.

— Что делать будем, Колобок?

— Не знаю.

— Может, отсидимся?

— Может.

Мы замолчали. Но просто так сидеть и молчать было не вмоготу.

— Сейчас бы человек пять туляков, с кем сюда ехали, — проговорил Колобок.

— Мечтать не вредно, — резюмировал я.

— Давай, твою кровать разберем!

— Чего мою-то?

— Она у тебя полторашка.

Надо было что-то делать. Все рано что.

— Давай, — я сбросил подушку, одеяло, матрац.

— Ну, чего дальше?

— У меня дома у матери такая же стояла. Тут прутья в спинке сталистые, — сказал Колобок.

Мы голыми руками отвинтили сильно приржавевшие шарики, которые вместо гаек стягивали дужки кровати. Но прутьев в них не оказалось. Было по-прежнему тихо.

— Может, ушли? — спросил Колобок.

— Вряд ли, зачем тогда приходили, — ответил я.

— Вот на! Сорок четвертая, — раздался громкий голос за дверью. И сразу гул голосов прошел этажу. Дверь была филенчатая. Раз десять ее, наверное, до нас выбивали. Один раз я приложился — ключ потеряли. Так что надежды на нее не было никакой.

— Ломай! — сказал кто-то с той стороны.

Но сломать ее они не успели. Я схватил табуретку (благо, она была армейская, с дыркой посередине) и вместе с коробкой вышиб дверь в коридор. Удачно: двоих самых нетерпеливых вырубил сразу. Колобок драться умел и бился, как уссурийский

тигр. Да и я не подкачал, махал табуретом, как Васька Буслай оглоблей. Еще нам помогал узкий коридор: всей толпой одновременно кинуться на нас они не могли. А троих-четверых мы вырубали моментально. Я табуреткой, Колобок — голыми руками. У местных были ремни с тяжелыми флотскими бляхами, так что нам тоже доставалось. С полчаса шла жуткая махаловка. И они дрогнули. Мы гнали их до самого первого этажа, до самой вахты, оставляя на лестничных клетках в соплях и в крови, поверженных. Ну, прямо Куликово Поле. Опомнились на вахте. Перед морским патрулем. Если бы была милиция, смели бы и ее. Впрочем, они тут же приехали.

И вот мы в КПЗ. Побитые, все в крови, своей и чужой. Очень возбужденные. У меня живот расплосован. Чем писанули, когда? Часа через два пришла медсестра. Нас отвели в умывальник. Она перевязала нас и дала по таблетке седуксена. С нас сняли показания и отвели обратно в камеру.

На утро у следователя мы узнали, что человек семь (вырубленных) задержали. И никакие они не местные, а такая же «вербота», как и мы. Потом пришла наша комендант общежития и о чем-то долго разговаривала с капитаном. Заявление мы писать отказались, и нас отпустили.

В общежитии комендант пригласила нас к себе. Не в кабинет, а в свою комнату. Она жила в нашем же общежитии. Поставила самовар, напоила нас горячим чаем. От нее мы узнали, что она коренная тулячка. И дед ее, и отец родились в Туле, в Заречье. В тридцатых годах ее арестовали, и она попала в лагерь на Дальний Восток. Когда освободилась, ехать было не к кому. Родители умерли, муж погиб на фронте, детей не было. Разговаривали мы долго. На прощание она сказала нам: «Ребята вы хорошие, но уезжайте на родину. Пропадете здесь».

БОЛЕРНАЯ

Дверь в комнату мы вставили. Колобок даже отштукатурил коробку. Но из общежития нас выселили. Комендант куда-то звонила и дала нам новый адрес. По нему мы не поехали. Куда ехать с такими рожами. У Колобка чудовищно распух нос (много лет спустя, я посмотрел фильм «Синьор Робинзон», вот точно такой). Да и я выглядел не лучше. Выручила воспитатель Люба. Она дала нам ключ от подвала. Там находилась приличная болерная. Мы на время устроились в ней.

Раны заживали. Настроение улучшалось. Колобок как-то говорит:

— Что-то ты стихов давно не писал. С тетей Музой поссорился? Чего молчишь?

— Природа Дальнего Востока. Души моей не всколыхнула, И вдохновение разтока Чем-то по пузу полоснуло.

— Ого! В шахте бы такого никогда не написал.

— Да пошел ты!

— Ну, чего обижаешься? Мне правда твои стихи нравятся.

— Стихи не кормят.— Но я ошибался.

Как-то пришла нас поведать воспитатель Люба. Глаза у нее были уже не просящие, а какие-то удивленные. Что на меня нашло? Я сразу экспромтом выдал:

— И жемчуг редкий, и алмаз

Теряют цену перед нами.

Когда она глядит на нас

Чуть удивленными глазами.

Люба даже расплакалась. Достала записную книжку, ручку. Попросила записать ей это четверостишие. И... дала нам займы 35 рублей. К следующему ее приходу у меня уже была заготовочка:

*Вчера мы чуть не дали дуба,
Ее рука, что Божий дар.
Лишь прикоснется только Люба,
Исчезнет боль, угаснет жар.*

Стихи ей очень понравились. И опять я записал их в ее записную книжку. Но денег она не дала. Милая, рыжая толстушка! Да и где ей их было взять? Оклад рублей 60, наверное.

ШУБЫ

Все в этом мире когда-нибудь кончается. Растаяли и Любины 35 рублей.

Колобок оказался крепче меня,— на нем все зажило как на собаке. Так, остались кое-где болячки. И он стал выходить на разведку.

Первые сведения оказались неутешительными. С работы нас уволили. В комнате, где мы жили, сейчас живут другие, «тертые» куда-то съехали. Вместе с ними уехали мое новое осеннее пальто и костюм, а так же гордость Колобка — куртка под кожу с множеством накладных карманов. Даже документы наши забрали, псы поганые. Принес дружок мой два пустых чемодана и две зубные щетки.

Погода в сентябре во Владике стоит чудесная. Так что мы горевали недолго. К зиме все новое купим. Из второй вылазки Колобок вернулся веселым.

— Сегодня ночью пойдем на шару.

— У пьяных по карманам шарить? — усмехнулся я.

— Да ладно тебе! — быстро затараторил Колобок.— Старый холодильник работает круглосуточно, кто хочет калымнуть, приходит и калымит — шара называется.

— Что делают-то?

— Грузят колбасу, рыбу, консервы,— холодильник ведь.

Одиннадцать часов вечера мы были на месте. Человек двадцать мужчин разного возраста стояли у доски объявлений. Подошли и мы. На доске висел ватман с написанным на нем перечнем работ, вернее, цен:

Говядина 1 т — 2руб.38 коп.

Баранина 1 т.— 1руб.60 коп.

Рыба свежемороженая 1 т. — 1 руб. 10 коп.

Шубы

Камера 200 кв. м. — 150 руб.

Камера 300 кв.м. — 150 руб.

Камера 500 кв.м. — 450 руб.

Я хотел было уточнить у стоящих рядом парней, что к чему, но Колобок за руку оттащил меня от доски.

— Слушай, идем на шубы!— жарко зашептал он,— пожрать мы здесь и так по-жрем, да еще домой притащим.

— Надо узнать, что это за шубы,— сомневался я.

— Да какая разница! Овчинная, волчья, а представляешь,— медвежья! И вообще, зима скоро, а у нас теплой одежды нет. Приделаем ноги и...

— Слушай, Колобок!

— Все! Хорош целку строить!

Тут же, рядом, под грибком стоял стол. За ним сидела пожилая женщина. Образовалась очередь.

— Славяне, наша очередь прошла. Мы еще с утра занимали,— нагло врал Колобок, пробираясь к столу.

— Нас двое. Мы на шубы. Камера 500 кв. м.

— Двоих мало, Ищите еще парочку,— сказала женщина
— Справимся,— петушился Колобок. Очередь подозрительно молчала.
— Первый раз что ли? — поинтересовалась женщина.
— Почему? — искренне удивился мой друг.— Почитай, через день.
— Склад № 3. Найдете, позвоните в дверь,— сказала женщина и протянула какую-то бумажку.

Склад находился рядом. Колобок надавил на кнопку электрического звонка. Дверь открыла молодая девчонка, одетая в полушубок, валенки и шаль.

— Мы шубы грузить,— выпалил Колобок.
— А вас что, двое всего?— удивленно спросила она.
— Двое, двое. Зато каких! — неизвестно чему радовался мой товарищ.
Девушка взяла бумажку, которую нам дала женщина. Прочитала.
— Ну, хорошо. Камера находится на третьем этаже. Берите брезент и поднимайтесь.

Она указала на длиннющий рулон туго скрученного брезента. Рулон оказался неподъемным. Сначала мы хотели взять его на плечо, как рельсу в шахте. Но и здесь, на ровном месте, нас кидало с ним из стороны в сторону. А ведь этот брезент предстояло тащить по лестнице на третий этаж. Но Колобок сразу нашел выход. Ему бы изобретателем быть, Кулибин.

— Становись вперед!— приказал он.— Ты стоя понесешь, а я буду толкать сзади.

Я встал на четвереньки, Колобок положил мне на спину край рулона, помог подняться на ноги. Сам встал с другого конца и, с криком: «Эх, дубинушка, ухнем!..», стал толкать рулон. До третьего этажа мы добрались за час. Прямо пред нами увидели мощную дверь с окошечком чуть выше центра.

— Ого, волчок как в КПЗ,— вытирая пот, удивился Колобок. Справа от двери висела не закрепленная кнопка электрического звонка.

— Звони, звони,— с остервенением выдавил я.

Открылась дверь, толщиной в полметра. На пороге стояла давешняя девушка.

— Вы?! — с каким-то испуганным удивлением спросила она.

— А кто же,— сказал Колобок и заглянул в камеру.

А оттуда дохнуло крещенским морозом. Я стригся коротко, а Колобок отпустил патлы. Пока волокли брезент, мы упрели. В считанные секунды лохмотушки Колобка встали дыбом, и он превратился в смешного шустрого ежонка. Камера была громадной. Края ее терялись где-то во мраке. Правая сторона была вся уставлена бочками, ящиками; кубами масла, жира, маргарина и еще Бог знает чем.

— А где шубы? — недоуменно спросил Колобок.

— Шубы? Шубы вот,— и девчонка указала пальцем на потолок. Он был весь увит трубами в ледяных наростах, с буханку толщиной.

— Сейчас слесаря отключат холодильник и дадут горячий воздух. Расстилайте брезент!

Я с ненавистью посмотрел на Колобка.

— У вас туалет где?— пожевав нижнюю губу, спросил он девчонку.

— На первом этаже.

— Ща, мы придем. Что-то на клапан давит.

СТРОГАНИНА

В общежитии к нам относились неплохо. Дети Колобка обожали. В душе я даже завидовал ему. Умел он с ними играть, разговаривать. И никогда не сюсюкал, а всегда на полном серьезе обсуждал их маленькие проблемы. Называли они его про-

сто — дядя Колобок. Откуда только прозвище его узнали. Впрочем, и меня они не дичились.

Ребята помоложе никогда не отказывали нам в куреве. Девчонки постоянно звали на танцы. Колобку, да и мне, очень хотелось сходить. Но идти было не в чем. От бывшего гардероба у меня остался болоневый плащ, тельняшка, брюки и летние туфли с дырочками. И друг мой был не богаче: пиджак с тельняшкой, да брюки с полуботинками. Кто-то предложил нам подработать в порту. Мы с радостью согласились. Технология была такая же, как и на холодильнике. Мы пришли к одиннадцати часам в порт. Быстро сбилась бригада из шести человек. Нас отвели к пирсу. К нему было причалено огромное судно «Архип Куинджи». Метрах в ста от него, на железнодорожных путях, стояли вагоны — холодильники. По всему причалу торчали портовые краны со смешным названием «верзила». Они и вправду были похожи на сутулого верзилу.

Попали на говядину. Это корова или бык, разрубленные вдоль хребта, на две половинки, сильно замороженные. Работа наша заключалась в следующем: четверо выгружают из вагонов туши и кладут их в капроновые сетки по 13 штук. Затем «верзила» подает их на судно.

— Чича, пойдем на судно, будь другом! — шептал Колобок мне на ухо.

— Шубы вспомнил? — Он промолчал.

Мне и самому хотелось работать на корабле.

Вахтенный матрос пропустил нас и указал место, где мы должны были ждать «Тальмана». К нам подошел молодой русский парень.

— Ребята, я ответственный за погрузку. Тальман. Спускайтесь в трюм, пора начинать.

Колобок заглянул в квадратную дыру и заорал: «Мама родная, у нас на шахте ствол грузовой мельче!»

В трюм была опущена веревочная лестница, быстро спустились по ней вниз. Когда под ногами почувствовали твердь, огляделись. Мы стояли на толстых досках, плотно пригнанных друг к другу. «Шестидесятка», — со знанием дела проговорил дружка. Вокруг нас аккуратными штабелями стояли ряды говяжьих туш. Штабеля были невысокими, по метру.

— Ну что, покурим? — доставая сигареты, предложил Колобок.

Но тут сверху что-то резко звякнуло. Я задрал голову: над нами висела сетка с коровьими тушами. Мы шарахнулись в стороны. Крановщик точно опустил туши на середину трюма. Колобок сообразил первым. Он отцепил один захват и молодецки крикнул: «Вира-а!»

Трос пошел вверх, и коровы тяжело посыпались на пол.

— Гляди, целое стадо! — шутил мой друг.

Мы еще и половины не успели растащить по штабелям, как над нами повисла новая сетка с холодной телятиной. Штабеля становились выше и выше. Колобок уже не доставал до края. Сели перекурить, благо наверху ничего не звякало. Но не успели мы сделать и двух затяжек, как к нам опустилось очередное стадо.

— Колобок, ты уже не достаешь, нас сейчас мясом завалят!

— Не трухай! — оптимистично проговорил он. — Становись раком!

— Чего-о?

— На четвереньки, на четвереньки, быстро, — поправился он.

Вывалив из сетки очередную партию скотины, я принимал форму буквы «глаголь». И Колобок, как заправский заряжающий, двигал по моему хребту коров на самый верх штабеля. Получалось даже очень ничего. «Обе-ед!» — закричали сверху. Мы устало присели на валяющуюся тушу, не забыв подложить под себя кусок доски — шахтерская привычка. Закурили. Тормозка у нас не было.

— Может, строганинки забубучим? — сказал Колобок. И, не дожидаясь моего

ответа, принялся пилить своим ножом задок мороженого быка. Удивительно быстро ему удалось откромсать увесистый кусище холодной говядины. И он сразу принялся отстругивать от него тоненькие пластинки.

— Эх, сольцы б сейчас и хлебушка! — приговаривал он, строгая. Жевать мясо было невозможно. Стыли зубы. Я стал глотать его, не жуя. Проглотил много. Насытившись, мы закурили. Минут через десять, меня пронзила такая боль в желудке, что перестал осознавать, где я, с кем, что делаю. Колобок что-то орал, задрал голову кверху. На шее у него вздулась вена, толщиной в палец. На «гора» выдал он меня в сетке, в которой к нам опускали туши.

Наверху уже ждал судовой врач. Узнав в чем дело, он в огромной кружке развел какой-то порошок. Четверо матросов держали меня, а Колобок заливал мне в рот противную жидкость. Это оказалась марганцовка. Когда я сделал два судорожных глотка, такое началось...

Минут через десять о палубные доски шмякнулся килограммовый кусок не растаявшей говядины.

— Ничего себе, выкидыш, — удивился Колобок — знаток сибирской кухни.

ДЕТСКИЙ СЕАНС

Промышляли мы случайными заработками. Ходили на «шару». Платили нам за честно отработанную смену от 3 до 5 рублей, Маловато, но жить можно. Впереди маячила зима, а теплой одеждой мы еще не обзавелись. Иногда к нам в болерную приходила молодежь со своими глупыми проблемами, и Колобок, как «крестный отец», мудро разрешал их. И откуда у него это взялось? После таких визитов мы объедались. Но ребята приходили не так часто, как нам хотелось бы. И к декабрю о нас забыли. Все, даже Люба.

Погода в конце ноября во Владике ужасная. С океана дует промозглый стылый ветер с какой-то водяной пылью-мгой. Что ни надень — ничего не спасает. У себя в Туле я бы в болоневом плаще и тельняшке всю зиму проходил. А здесь, шалишь, не получится.

По дому я затосковал. Жена с детьми каждую ночь снились. Но я крепился. Колобку вида не подавал. Как-то в воскресенье мне в подвале стало невмоготу сидеть. Тоска зеленая накатила так, что хоть в петлю лезь.

— Колобок, пойдем прошвырнемся!

— Ты че! Еще ведь светло совсем.

Время было около трех часов дня, а гуляли и работали мы только ночью. Я молча встал, накинул плащ и вышел на улицу. Колобок ничего не спросил.

Спустился с сопки к ресторану, к незабвенному «Утесу». Когда проходил мимо него, нашел двадцать копеек. «Сигарет куплю» — подумал я. Вдруг, мне так захотелось увидеть детей, что голова закружилась. Не именно своих, а просто детей. Да так, чтобы их было много-много. Я пошел искать школу. Минут через десять до меня дошло: сегодня же воскресенье, дети не учатся. От этой мысли у меня аж сердце схватило. В лопатку отдало так, будто раскаленный кинжал вогнали. И тут я увидел кинотеатр, совсем рядом. Как его раньше не заметил? Через огромные витражные окна фойе был виден буфет и сотни карапузов с мамами, с папами, с бабушками. Какая-то неодолимая сила понесла меня к ним. Я зашел в фойе. Разноголосый гомон сразу затих. Тут я пришел в себя и скромненько отошел в самый дальний угол. Там стояла высоченная стремянка. Ноги у меня подгибались, я сел на перекладину. Прозвенел звонок, все потянулись к зрительному залу. Раздался еще один, и фойе быстро опустело. Уходить мне не хотелось, но и сидеть одному было как-то неудобно. И тут

я вспомнил про двадцать копеек. Вскочил и побежал к кассе. Пробегая мимо буфета, увидел пирожки. «Стоп,— думаю — а нельзя ли?» — И я купил два пирожка по пять копеек, и билет за десять. Билитерша посмотрела на меня, потом на билет, но ничего не сказала. Свет в зале уже потушили. Зрение у меня было какое-то обостренное, я все прекрасно видел. Быстро отыскал свободное место и присел. В руках у меня были два горячих пирожка. Я с остервенением впился зубами в хрустящую поджаренную корочку и... потерял сознание.

Очнулся в машине «скорой помощи». «Голодный обморок» — констатировал врач. Они хотели отвезти меня в больницу, но я отказался. «Где тебя носило, богодул? Я все ментовки обегал»,— увидев меня на пороге боленой, заорал Колобок. Объяснять мне ничего не хотелось, и я молча улегся на свою лежанку. На утро, когда я проснулся, Колобка не было. Самочувствие мое, на удивление, было неплохое. Я, было, собрался вскипятить чайник, но тут появился Колобок. В руках у него были деньги — сто пятьдесят четыре рубля. А билет до Москвы стоил 77 рублей.

— Ну, что, поехали? — и, не дожидаясь моего ответа, добавил: «Погнали!»

Я до сих пор не знаю, где он достал такую сумму. Не кривя душой, скажу, в тот момент меня это и не интересовало. Ехали до Москвы мы пять суток. Как ехали? Весело. Поначалу к нам отнеслись с подозрением. Более того, многие откровенно побаивались. Но после стычки с поездными ворами, нас зауважали. А Колобка так даже полюбили. И кормили нас всем вагоном аж до самой Москвы.

Через месяц мы уже рубали уголек. Правда, на разных шахтах. Я на своей 33, а Колобок на «Березе».

*Городок мой маленький.
Ласковый уют.
С площадей — проталинок
Звезды воду пьют.
Крохотные улочки
Тишиной звенят.
Запахи из булочной,
Как всегда, пьянят.
Дом культуры старенький
Новостей очаг,
Чутко на окраине
Дремлет каланча.
В серый цвет окрашенный
Полевой бурьян,
Да отцом посаженный
Тополь-великан.*

БРАТ МОЕЙ ЖЕНЫ

Шуряк у меня умер. Жалко, хороший был человек. Только за полчаса до смерти потерял сознание.

Тихий, доброжелательный, интеллигентный. Хотя я не понимаю, что такое интеллигент. Смотришь, вроде, в очках, в шляпе, говорит красиво, а поближе познакомишься — такая мразь!

Мой-то очков не носил. Шляпа, правда, была. Говорил понятным русским языком. Но вот что-то такое в нем было... Он даже когда с детьми здоровался и то вставал. Приезжал к нам редко, но как-то всегда вовремя. Захочется мне с нормальным мужиком бутылку «раздавить», чтобы безо всяких продолжений и тому

подобных приключений (я обычно влипаю куда-нибудь по пьянке), звонок в дверь. Вот он, Александр Иванович, собственной персоной. Пока мы с ним руки пожмем, пальто помогу ему снять (ведь как вовремя появился), жена мухой на кухню. Сидим, гутарим. Я по натуре горячий, орастый. Начинаю горланить, а он спокойно так, две фразы скажет — я уже на пол-тона ниже. Говорили мы обо всем. Он из детей войны. А это значит, что детства у него, как у меня, не было. Работать пошел с четырнадцати лет. Потом армия. Когда в вечернем техникуме учился, чертежи чертил, а на плечах Женька, сын, да на коленях Оля, дочь. Комнатенка три на два в бараке.

Жалко мужика. Теперь и поговорить не с кем. Но раз шуряк такое выдал! Я стихами заболел. За бутылкой частенько читал ему свои парфюмерные бредни. Большие опусы я не писал (времени не хватало, работал в три смены на шахте). Говорю ему: «Ты знаешь, столько мыслей, столько идей! Времени вот только нет». А он спокойно так: «Вы, поэты, острее всех чувствуете течение Времени». Сам придумал, что ли, или прочитал где?

Последние два года не везло ему. То перелом шейки бедра — целый год пролежал, не вставая. А тут рак прицепился. Незадолго до смерти врача вызвали на дом. Посмотрел он историю болезни и спросил:

— Что колете? — жена показала лекарство.

— А что, ни промедола, ни морфия?

— Нет.

— И не просит?

— Нет.

— Не может быть. Такую боль терпеть невозможно.

И только за полчаса до смерти, потеряв сознание, он застонал. Мы все поняли.

Скромный, доброжелательный, тихий человек. Мне б твою силу духа, Александр Иванович.

ЧЕРНЫЙ АВГУСТ

И почему я пустил бесов в свою душу? До сих пор понять не могу. А ведь пятнадцать лет прошло с той забастовки. Кашпировский тогда подсуетился, что ли, собака?

Какое государство погубили! Из такого исполина всю кровь выпустить. Откуда же они берутся, эти Горбачевы, Ельцины...

Я еще первый год в шахте работал. Моемся в бане после смены. Вокруг меня старые горняки. Карюзлые все какие-то, ноги вывернутые, ребра вогнутые, на руках и плечах синюшные крапины, как будто татуировки хотели сделать, да не получилось. Смеялся я над ними. И крабами их называл и с камбалой сравнивал. Банщица наша старая отозвала меня как-то в сторону и пристыдила: «Ну что ты потешаешься? Они ведь все до одного, травмированные. Это сейчас у вас комплексы да комбайны, а раньше в деревянных лавах работали. Да подвалка на топор».

Нет уж на свете тех стариков. Бывая у отца на кладбище, я вижу их могилы. Простите меня, мужики! Царство вам Небесное. Местечко светленькое.

По моему глубокому убеждению, Мосбасс стал умирать, когда на пенсию пошел 1930 год (это те, которые в годы войны четырнадцатилетними пацанами, пришли в забой и лавы). Рабочих стало не хватать, и поползли по штрекам случайные люди: спившиеся шофера, менты, летчики, даже один артист был. Хотя нет, он после классным проходчиком стал. Далеким им было до тех стариков. Шахты они не знали, не чувствовали. Им казалось, что они в метро московское спустились.

Как-то я про себя отметил, попади сейчас в завал, так быстро и слаженно оттуда

не выдернут. За стажем ребята пришли. Пенсия с пятидесяти лет ведь. А тут Горбачев стал номера откалывать. И пошло, и поехало. Но все равно, то время не хаю. Голодными моя семья и я не были. Путевку в санаторий мог взять любую. Машину, если бы захотел, запросто мог бы купить. Сигареты пропали, курить бросил. Водка исчезла самогонку стал гнать. Пропущу ее через активированный уголь, настою на дубовой коре. После баньки хряпну малиновский с венчиком — как будто Боженька босыми ножками по душе пробежит.

Но пошла какая-то мышьяная возня. На шахту демократы какие-то стали приезжать. На общих нарядах выступать. О каких только международных конвенциях не говорили, какие только законы не показывали, даже справку привезли из какого-то института: что и сколько должен кушать шахтер, чтобы продуктивно работать. Куда вот только, сейчас все это дерьмо подевалось? Конечно, платили нам мало. На заводах люди больше зарабатывали, где тепло, светло, и крысы не кусают.

1991 год. Апрель. Шахта объявляет забастовку. Меня выбирают в стачечный комитет, где сразу поручают «посадить» все угольные производства нашего куста. И я, как угорелый, день и ночь мотаюсь по шахтам и угольным разрезам, уговаривая поддерживать нас. Многие поддержали.

Шахта бурлит. Директор каждый день вниз опускался. Спецовку ему с хлоркой стирали. Спецовка белая, лицо черное. Уговаривает нас, чтобы не дурили, шли работать, а сам чуть не плачет. А у меня кукушка уже съехала. Как заору: «Затопим шахту!» — прокричал и сам испугался. Но тут же успокоился. Потому как знал, что старенький директор, хоть и растерялся в данный момент, но, сделай мы хоть шаг в сторону главного водоотлива, он наши съехавшие «крыши» шахтерским обушком тут же проломит.

Растерялся. Старый, до конца ногтей коммуняка. Не получил приказа сверху вовремя. А сам что делать, не знает. Или не приучен. А ведь была у него какая-то информация, не могло не быть. А что мы? Только из ямы вылезли и наивно верили каждому захавшему демократу. И откуда их столько взялось?

1991 год. Август. На сцене выступает очередной заезжий краснобай. Толстенький, волосатый, прямо мохеровый: «В Москве танки. Строятся баррикады. Пятнадцатилетние девчонки и мальчишки, взявшись за руки, стоят и не пропускают карателей. А вы! Здоровые мужики и здесь!» Слушать было неприятно. Да еще слух резала его картавая речь. Но мне опять бес в ребро — вечером был уже в Москве, возле Белого Дома. Туляков приехало человек восемнадцать. Шахтер я был один. Не могу сказать о них ничего плохого. Видно, были у них причины оказаться здесь. Правда, был один, мы его, почему-то, сразу командиром выбрали. Так он из полиэтиленовой пленки сделал мешок, ведер на восемь, накидал в него блоки сигарет, консервы, растворимого кофе, колбас разных. Три человек ему мешок этот на горб взвалили. Как только допер до Каланчевки! Правду говорят, что своя ноша не тянет. А продукты выбирать было из чего. Все пространство вокруг нас ими было завалено. Даже водка была. И все нахалю. Я такого даже на Шпицбергене не видел, когда работал там на Пирамиде.

Трое суток, сменяя друг друга, мы стояли в цепи, взявшись за руки. И опять резала слух картавая речь. Через десять человек в каждой цепи стояли молодые брюнетистые парни. Травили анекдоты, рассказывали смешные истории из жизни, ободряли поникших: что никакого штурма не будет, что ГКЧП это смешно. Там же, на баррикадах, я купил у какого-то паренька газету. Купил просто так, чтобы почитать у костра. Когда прочел, как будто плену с глаз сняли. Какого же кляпа я тут делаю? Встал и ушел.

Проходя мимо американского посольства, услышал автоматные очереди. Но мне было все равно.

Я нашел способ, как встретиться с редактором той газеты. Долго мы с ним говорили. Он прогноз сделал на ближайшие 10 лет. Как в воду глядел редактор тот!

*Во времена Российской смуты
К всему непримирим и зол,
Я всю страну, в лаптях обутый,
С сумою на плечах прошел.
Чем только я ни занимался,
Кем в это время я ни был.
В кино, вот только, не снимался,
И не осеменял кобыл.*

КОММЕРЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР

После забастовки шахту долго лихорадило. Никак не могли раскатать лавы. Это на заводе выключил станок, вытер ветошью руки и пошел бастовать. Набастовался, пришел в цех, нажал на кнопку «пуск», и флаг тебе в руки. А шахта — производство особое. С самой Матушкой Природой дело имеем. Сколько о горном давлении диссертаций написано, сколько мудреных расчетов произведено, а оно как давило где ему хочется, так и давит. Казалось, в этом месте вот-вот завалится, крикни только погромче, и зашатается кровля, как подвесной потолок. Так не, давит, стоит себе, хоть бы хны. И месяц, и два, и год может простоять, пока инспектор из Госгортехнадзора перекрепить не заставит. А где штрек по целику пройдем, на железное кольцо, так это кольцо наизнанку выворачивает. И гайки, что на метизах, как пули по выработке свистят. Его Величество Горное Давление. Интересно, сколько НИИ вокруг него кормится?

Мы свою лаву месяца три раскатывали. И потихоньку, потихоньку пошла, родная. От воды оторвались, пачку угля в кровле подхватили, теперь нам никакой песок не страшен. План на участок сразу 1500 тонн в сутки стал. Значит, премия хорошая «корячится». Нормально. Пошел уголек «шубой». Но не долго работал я в хороших (по шахтным меркам) условиях. Перевели меня на соседний участок. Не ладилось у них. Вода и снизу и сверху прибывала так, что два насоса «К-60» не справлялись. Секции крепи в лаве через одну задавлены. Но самое главное народ после забастовки разболтался. Мудрецы и раньше были, но сейчас, как никогда, «помудрели». Болеть стали сменами: от поноса до золотухи. Полгода ковырялись, но стронули. Милая ты наша, ну еще чуть-чуть! Зашуршал уголек по сборному, порожняка, как обычно, хватать не стало. Я уже хотел на этом участке навсегда остаться: привык к ребятам, да и начальник стоящий оказался. Он когда-то с мотористов начинал, не то, что мой старый, «шестерка» директорская. Этот за нашу зарплату, пока лаву до ума доводили, насмерть с нормировщиками бился. Ведь в шахте все наоборот — в хороших условиях делать особо нечего. Работает, в основном, комбайн и бригадир. А остальные мерзнут. Концы задвинем, каретки почистим и курум. Или о женщинах чушь несем. Это как обычно: на работе о них, сердешных, а дома о работе. Все ведь знают, шахтер самый страстный и лучший любовник. Так что в основном ля-ля, а зарплата хорошая. А нет условий, намонтылишься, как раб, в кассу придешь, а там шиш без масла. Хорошо, тариф проведут.

Вот я и говорю, шахта производство тонкое. Но и здесь я не задержался. Теперь еще один участок «сел». «Плывун» прорвался. И пошел я к директору. Так и так, говорю, ну сколько можно, целый год лавы раскатываю, в зароботке потерял, руки по ночам от ледяной воды сводить стало. Он посмотрел на меня и говорит:

— А ты чего хотел. Это по старому колдоговору я мог тебя только один раз в месяц перевести. И, заметь, с доплатой до среднего. А теперь тарифное соглашение, за которое ты так бился, Ельцин с Гайдаром подписали. Читал?» «Ну, читал» — ответил я. «Свободен. А не нравится, уходи. Вон вас сколько у ворот стоит».

«Не нравится, конечно, не нравится. Я ведь за что бился? Чтобы зарплата у шахтера была не как у дворника», — думал я, идя в кабинет вновь образованного «Независимого профсоюза горняков». В кабинете сидел незнакомый мне молодой парень. Кто он и кто его выбирал, я не знал. Объяснил ему мое положение, посодействуйте, мол. А он мне: «Ну, ты же видишь, шахта в трудном положении. Ты старый опытный горняк. А молодежи сколько пришло. Где их учить, как не в таких условиях. И вообще, не нравится уходи». «Вот, — думаю, — уже спелись». Да чихал я на таких профлидеров с высоты нашего террикона. Но рабочие, свои же ребята, Бог весть что стали про меня говорить. Едем как-то в пассажирском поезде после смены к стволу. Лава тяжелая, в смысле условий, пласт угольный пропал, по забою один песок. От запасного штрека до сборного вручную все перебирали, крепили. На участок заходишь — как в лес пришел. Кругом одно дерево, дух лесной в ноздри бьет. После забастовки молодежи много на шахту пришло. А их крепить ведь не поставишь. Хорошо хоть материал поднесут. Уставшие все, злые. Я лампу выключил. «Посплю, — думаю до ствола». Слышу в другом конце вагона, вроде, как обо мне говорят. Прислушался.

— Вы что думаете, Русич просто так за новый профсоюз агитировал? Власти он хотел. Шахткомом стать. Он же в молодости ментом был.

У меня во рту аж кисло стало. Голос я узнал. Еще бы не узнать: лет десять в одной смене проработали, и лет тридцать в одном поселке живем. Вот ведь сучонок! Всю забастовку, с первого дня, на бюллетне просидел. Два месяца, пока бастовали, на шахту ни разу свой нос гундявый не сунул.

Но добил меня другой случай. Работал со мной на участке еще один мой сосед. Вот он настоящим ментом был. За пьянку и взятки погнали. Как попер на меня ни с того ни с сего в рабочей столовой. И бандит, и дебошир я, и отец такой же у меня был. И мать оскорбил, пес. Хотел я ему между глаз врезать, уже и развернулся, но будто кто-то кулак мой удержал. И в этот момент дошло до меня: он ведь этого и хочет, ишь как съезжился. Сейчас я ему мозги вышибу и срок получу. Весь расчет у них на это. Да, получили директорские «шестерки» команду «фас»! Теперь не отстают. Я и в шахту спускаться не стал. Написал заявление на расчет, отнес в отдел кадров. Пока спецовку ребятам раздавал, меня и рассчитали. Безо всякого «бегунка». Сам директор заработанные деньги вручил. Кассир в это время в банке была. Так он их в столовом буфете взял.

Домой пришел, честное слово, чуть не расплакался. Жена сразу все поняла. Она у меня умная, как никак, институт с красным дипломом закончила по специальности «детская психология». Она, хоть, и детский психолог, но и во взрослой психологии много чего понимает. А уж меня, грешного, знала, как облупленного. Бывало, ляжем спать, я размечтаюсь: «Эх! Был бы я секретарь обкома. Приказал бы местному начальству на нашей площади, что возле ДК, вместо памятника Ленину памятник погибшим шахтерам поставить. Их, знаешь, сколько гибло в деревянных лавах сменами, по тридцать человек, и все по набору. С армии, с флота. Молодые были, неопытные». Она посмотрит на меня с сожалением и скажет:

— Какой ты у меня еще дитя...

— Ну что!!! Выгнали!!!

— Чей-то выгнали? Сам ушел.

И началось.

— Ведь говорила тебе, когда ты по шахтам мотался, что добром это не кончится. А ты Ельцин!!! Россия!!! Вставай с колен! Вот и поставил вас Ельцин всех на колени.

Что теперь делать? Наш детский сад тоже закрывать хотят. И, по-моему, навсегда. На что жить будем? Чем детей кормить?

— Что у меня рук нет?

— Головы у тебя нет.

На следующий день я пошел по конторам. Вообще-то, я не очень отчаивался. Шахта только дуракам кажется первобытным предприятием. А на ней гидравлики и автоматики понатыкано не меньше, чем на оборонном заводе в Туле. Я и сваркой владел прилично, и резаком, в электрике соображал, а про лопату и не говорю. Только бы до «подшвы» добраться. Не пропаду, разберемся.

На всех близлежащих заводах шло сокращение. Зарплату по полгода ждали. На работу меня нигде не взяли: «Свои в вынужденных отпусках сидят».

Но я не унывал. О кооперативах вспомнил. У нас на шахте про их зарплаты легенды ходили. Стал знакомых «деловых» расспрашивать, но ничего путного они мне не посоветовали. Везде одна торговля. А я в магазине-то деньги отдам, а товар взять забываю. Хорошо, городишко маленький, все друг друга знают потом жене на работу приносили. Нет, торговля не моя стезя.

Но, все-таки приглянулся мне один кооператив. Название уж больно понравилось «Энергия». Нашел я их офис, которым оказалась однокомнатная квартира. Даже не квартира, а спортзал какой-то. Кругом стояли гири, штанги, в дверях турник. Открыл мне мужчина средних лет, поперек себя шире, но без живота.

— Тебе чего?

— Да я насчет работы.

— А кто ты?

— Шахтер.

Он с минуту подумал.

— Ладно, заходи.

В штате их было двое. Второй подошел позже. Занимались они измерением сопротивления в электрических цепях и заземлении. Они о чем-то поговорили на кухне. Пришли, сели.

— Вот, почитай мой устав. Там, в конце о трудовой деятельности,— сказал «качок» и дал мне стопку листков с неразборчиво напечатанным шрифтом. Чего в их трудовой деятельности только не было! От охраны до аудита. «Ну, в аудиторы я не пойду, судья что ли? А вот в строители, пожалуй» — подумал я.

— Я бы строительством занялся. Сварщиком могу, по-плотнически соображаю.

— Во! Набирай бригаду и вперед!

— А трудовую?

— Чего, трудовую?

— Ну, надо же как-то официально оформить...

— Давай, давай...

Он взял мою трудовую книжку, не читая, нашел пустой лист, что-то быстро написал. Достал печать, дыхнул на нее, приклепнул.

— Назначаю тебя коммерческим директором.

«Ничего себе! — ошалело подумал я.— Коммерческий директор». Утром новый шеф позвонил мне и велел быстро к нему приехать. Жил он в Новомосковске, через час я был у него.

— Слушай, я тут тебе бригаду нашел. Так, фуфлыжники, ты с ними построже. А у вас в поселке нет ничего такого?

— Чего?

— Ну, крышу перекрыть, барак кирпичом обложить. Ты же директор теперь.

— Да можно поискать.

— Вот и ищи.

Взял я для важности у жены папку. Положил в нее три листа чистой бумаги, две шариковые ручки и зачем-то ластик. Пришел в ЖКО. Но там со мной и разговаривать не стали. Ни денег, ни материала у них не было. Хотя, поселок разваливался на глазах. Пришел домой пообедать. У жены в гостях была ее подруга, она работала заведующей детским садом. Я важно поздоровался.

— А у тебя что, сегодня выходной? — спросила гостья. Я не шибко жаловал ее, и она это знала.

— У него же теперь день не нормированный. Коммерческим директором стал, — язвительно ответила жена.

У гостьи заблестели глаза.

— Где? — сразу спросила она.

Чтобы прекратить разговор, начинающий меня злить, я быстро сказал:

— Ну что ты, в самом деле? У меня уже и бригада есть, строительная. Мужики серьезные. Сейчас найдем подряд и...

— А что вы будете делать? — уже по-деловому спросила гостья.

— Да чего хочешь. Дом обложить, крышу перекрыть.

— Мой сад на ремонт закрыли, еще в апреле. За месяц два кооператива сменилось. Разобрали все — цемент с рубероидом пропили и исчезли, а до сентября три месяца осталось, затараторила она.

На следующий день они с моим шефом и директором завода, в чьем ведомстве был детский садик, заключили договор. Составили перечень работ, смету.

— Ну, дерзай, директор, — сказал мне шеф.

— А что делать? — обескуражено спросил я.

— Как что? Купи рубероид, цемент. Шифер у меня есть в одном месте. И вперед. Потом платежку за купленный материал я им отдам. Выполненную работу оценим. Вот и деньги. Все в шоколаде будем.

— Понял!

Ничего я не понял. Но дураком казаться не хотел. Утром приехала бригада, мужики мне серьезными не показались. Синие какие-то. Или от наколок или с похмелья. Взял я нашу с женой общую сберкнижку на предъявителя и снял в сберкассе все деньги. Нанял грузовую машину, купил на базе цемент, доски, рубероид, трубы, подвез к детсадику. Я с машины их у черного входа разгружаю, а бригада моя с парадного их продает, за самогонку.

— Вы чего, мужики, офонарели?

— Да ладно, щас опохмелимся, все будет нормалек, — сказал мне бригадир.

Вернул я мужика с тележкой, заставил все разгрузить. И бутылкой бригадиру чуть голову не раскроил, хорошо, полная была. Тот покипешился, но быстро успокоился. Бригада понемногу начала шевелиться. Крышу крыли две недели. Через день я их лупил. Разобрали перегородки, выложили из кирпича новые. Оштукатурили. Занялись паровым отоплением. Прошел месяц, бригада стала требовать деньги. Я к шефу.

— Да нагони ты им самогонки. Неделю пропьянствуют. Приползут, куда денутся, — сказал он мне.

За месяц я с ребятами сработался. В принципе, неплохие мужики оказались. Пили только без меры. А как специалисты выше всяких похвал. Не стал я им самогонку гнать. Поставил вопрос ребром: или, или.

Детский сад мы не доделали. Ушел я. И бригада моя разбежалась. Да там и осталось-то всего рамы застеклить, и полы покрасить.

ГРОБОВЫХ ДЕЛ МАСТЕР

Неделю в себя приходил. Ничего делать не хотелось. Жена молчала. Но понемножку отошел. А тут еще и теща померла. Хорошая была старушка. Я с ней за двадцать лет ни разу не поругался, хотя Галина Ивановна всегда мне говорила: «У тебя ярко выраженная агрессия». Мне даже странно слушать было, когда кто-нибудь своих тещ ругал, и такие они, и сякие. Я и анекдотов про них не понимал: хоронили тещу, порвали два баяна. Это ж надо такое придумать. Сразу решил, земля осядет — поставлю памятник. Когда с супругой в «Ритуальные услуги» приехали, посмотрел я на их изделия и подумал: «Да неужели я сам такой не сделаю?» Цех, где отливали памятники, находился рядом. Покрутился я там, подсмотрел кое-что. С ребятами-мастерами поговорил и решил — сам сделаю. Собственно стелу отлить, особого ума не надо. Опалубку сделал, цементу с мраморной крошкой намешал, залил и жди, когда схватится. Ну, для прочности еще мастерочком провибрировал. Но мне хотелось чего-то необычного. Чтобы не как у всех. И придумал. Сделаю настоящее распятие. Поехал в Тулу, нашел старое кладбище. Походил по нему. На одном надгробии уж очень мне крест понравился. Зарисовал я его, как смог и домой. В подвале, у нас под домом, много места было. Сделал опалубку в виде паруса. Ведь что такое гроб? Лодка. А памятник — парус. И плывет эта лодка по волнам времени целую вечность. По рисунку вылепил распятие из глины. Глину, тут же, в подвале накопал. Высушил. Из воска отлил форму. А дальше — еще проще. Развел цементу марки 500, положил в матрицу арматуры для прочности и залил. Когда достал распятие из формы, проследил. До чего же хорошо получилось! Думаю, надо освятить. Понес в Спасскую церковь. Отец Василий как накинудся на меня: «Ты чего принес? Это же католический крест! А ты православный!». «Какая разница, — думаю, — православный, католический. Бог он для всех Бог». Но спорить не стал. Но и переделывать тоже. Отлил памятники своим уважаемым тестю и теще (тесть давно умер — у него металлический стоял, каждый год красить приходилось), отшлифовал. Пльвите, мои дорогие, куда хотите. Паруса я вам крепкие поставил. Галина Ивановна моя была очень довольна. «Директором» звать перестала. Когда памятник на могилу устанавливал, подошли ко мне мужчина и женщина. Поинтересовались, где заказывал. Где, где, сам сделал. Как посыпались мне заказы! «Ого! — думаю. — То не знали, чем завтра детей кормить будем, а теперь холодильник, вон, полнехонький». И главное, деньги все вперед дают. А если с установкой, то плата отдельная. Если дело так и дальше пойдет, своих на Канары повезу. Шучу, конечно. Хотя, какие тут шутки, в поселке нашем по восемь человек за неделю умирает. Вот же как карта легла.

Но не дали мне соседи развернуться. «Жаба» что ли их задавила? Куда они только ни писали, кому только ни жаловались. То щебенкой у них в квартире пахнет, то народ у него там целый день толчется, то грязь в подвале развел. Как пошли ко мне комиссия за комиссией. Толком они ничего не говорили. Вроде, страшного я ничего тут не делаю. Но все равно — нельзя. Звонок сверху был — разобраться. Ну, так и разберитесь. Если в грязи дело, так человека найму, убираться будем каждый день. Нет, говорят, жилой дом, нельзя. Сам бы я плюнул и на комиссии, и на своих соседей, — у них самих в сараях по пять поросят хрюкают, от них грязи и вони побольше будет. Но Галина Ивановна моя запсиховала. Она ни с кем ругаться не хочет, со всеми в мире жить желает. А так не бывает. Обиделся я на нее, до глубины души. И... запил. Неделю бухал, пока она деньги у меня не отобрала. Пришел в себя.

Что делать? Кто виноват? Куда бывшему шахтеру податься?

